

СМЕРШ

спецназ Сталина

СЛЕД ПРЕДАТЕЛЯ

Евгений Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ
След предателя

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

След предателя / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2019 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-104610-1

Самые интересные произведения о сталинском спецназе! Суммарный тираж книг Е. Сухова – около 5 миллионов экземпляров! 1944 год. Красная Армия освобождает Украину. Гитлеровцы изо всех сил пытаются удержаться на захваченной территории. Чтобы заманить наступающие советские части в ловушку, на одном из участков фронта немцы оборудуют ложные позиции. Задумку врага раскрывает пешая разведка. Но ее донесение идет вразрез с аэрофотосъемкой. Оперативный отдел фронта уверяет, что никакой засады нет и можно наступать. Выяснить ситуацию поручено капитану СМЕРШ Тимофею Романцеву. Он приходит к выводу: в штабе фронта кто-то умышленно искажает положение дел. Первого же подозреваемого находят застреленным в прифронтовом лесу. Романцев понимает, что идет по верному следу и предатель где-то рядом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104610-1

© Сухов Е. Е., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Сухов

След предателя

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Сухов Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Часть I

Ставка Гитлера

Глава 1

1943 год. Февраль.

Оберзальцберг

Гитлер проснулся около одиннадцати часов утра. По обыкновению, фюрер спал долго, и нынешний день не стал исключением. После горячей ванны, свежий и надушенный, он оделся, повязал свой любимый синий галстук и, застегнув френч на все пуговицы, подошел к большому окну спальни. Внизу лежал заснеженный Оберзальцберг.

Ночью мела вьюга, снегом засыпало весь двор, и солдаты его личной охраны, вооружившись деревянными лопатами, старательно расчищали дорогу, по которой он любил прогуливаться.

Накануне фюрер хотел пройтись на лыжах и даже отдал распоряжение, чтобы ему подобрали подходящую мазь, но нынешнее ветреное утро показалось ему не самым подходящим временем для прогулок. Придется перенести ее на более благоприятный день.

Оберзальцберг очень напоминал Адольфу Гитлеру родную Австрию (была бы его воля, так он никуда бы отсюда не уезжал!).

Некоторое время он смотрел на заснеженную гряду близлежащих гор, уносясь воспоминаниями в прошлое, затем велел камердинеру позвать доктора Мореля.

В последние недели Гитлер чувствовал себя вялым, испытывал апатию, его спасал только возбуждающий укол, который доктор делал ему перед самым завтраком. Лекарство помогало – весь последующий день он чувствовал себя невероятно бодрым и, не особенно уставая, дважды в день проводил военные совещания.

Еще через несколько минут раздался короткий стук в дверь, и в комнату вошел грузный, невысокого роста, круглолицый человек с мясистым лицом, в очках в тонкой золоченой оправе на слегка вздернутом носу.

Личным врачом Гитлера Теодор Морель стал не случайно. В окружении фюрера вообще не было случайных людей, у каждого из них была своя роль: одни поднимали ему своими разговорами настроение во время ужина, другие прогуливались с ним по Оберзальцбергу, в третьих он видел интересных собеседников.

Прежде чем начать хирургическую практику, Морель получил медицинское образование во Франции и в Германии. В двадцать семь лет защитил докторскую диссертацию и последующие два года был судебным врачом, побывав практически во всех океанах. В Первую мировую войну Морель служил хирургом на Западном фронте и вспоминал этот отрезок своей жизни как самый тяжелый.

С приходом к власти Гитлера он вступил в национально-социалистическую немецкую партию, а еще через три года был приглашен фюрером на аудиенцию в Бергхов, после которой Гитлер доверил ему свое здоровье. Доктору Морелю удалось решить проблемы с желу-

дочно-кишечным трактом Гитлера, и тот назначил его своим личным врачом и неизменно брал с собой даже в короткие поездки.

Доктор Морель завел на Адольфа Гитлера медицинскую карту, которую озаглавил «Пациент А».

– Как чувствуете себя, мой фюрер? – бодро спросил доктор, присаживаясь к столу, за которым сидел Гитлер.

– Вроде бы неплохо, Теодор... Хотя в наше время может случиться все, что угодно.

– Только не с вами, мой фюрер, – объявил Морель.

Взяв запястье Гитлера в свою ладонь, он сосчитал удары пульса и удовлетворенно кивнул:

– Все в порядке. А теперь я сделаю вам бодрящий укольчик. Уверю, вы будете чувствовать себя как новенький.

Адольф Гитлер вяло улыбнулся:

– По поводу меня нового я крепко сомневаюсь... Но вот если бы чувствовать себя так же, как до войны, было бы прекрасно!

За последние месяцы Гитлер сильно осунулся, мышцы его одрябли. Уже семь лет Гитлер избегал физических нагрузок, что сказалось на его общем состоянии.

Открыв медицинский саквояж из темно-коричневой кожи, Морель вытащил из него небольшой металлический поднос, протер его поверхность спиртом, а затем последовательно положил на него лекарственный аппарат, закрытый алюминиевой крышкой, небольшую клеенчатую подушку и шприц. После чего отогнул пинцетом часть крышки флакона, обмакнул им вату и аккуратно протер резиновую крышку. Привычно, под девяносто градусов, ввел во флакон иглу и, перевернув его вверх дном, стал оттягивать поршень, наполняя шприц лекарством. После этого бережно вытянул иглу из пробки и сменил ее на новую.

Такой укол Теодор Морель делал Гитлеру каждый день последние два года. Все привычно, никаких сюрпризов, но фюрер всякий раз с интересом наблюдал за действиями врача.

– А теперь положите руку на подушку, мой фюрер, – ободряющим тоном произнес доктор, – и максимально расслабьте ее.

Морель уверенно положил жгут на середину плеча Гитлера и пощупал артерию пальцами.

– Сожмите несколько раз кулак. – Фюрер тотчас заработал пальцами. – У вас очень хорошие вены.

Доктор Морель обработал локтевую выемку салфетками, уверенно ввел иглу и медленно стал нажимать на поршень.

– Все, мой фюрер, – сообщил Морель, бережно прикладывая ватку на место укола. – Посидите минут пять, а потом можете идти.

– Что-то не в порядке? Сегодня вы выглядите как-то по-другому, – подозрительно сощурился Гитлер.

– У меня для вас не очень хорошие новости, мой фюрер.

– Что там еще? – раздраженно спросил Гитлер.

– Вы должны беречь себя.

– Куда же больше? Я и так веду малоподвижный образ жизни, а ведь в молодости я был очень хорошим лыжником... Впрочем, как всякий австриец. Что у вас? Говорите!

– Я отправил ваше последнее ЭКГ в Бад-Наухайме в Институт исследования сердца профессору Карлу Веберу. Он сказал, что кардиограмма показывает склеротические изменения в коронарных сосудах, а также нарушение нервной проводимости и гипертрофию левого желудочка.

Адольф Гитлер нахмурился: этого еще не хватало. Утро начинается с дурных новостей о собственном здоровье, это наложит отпечаток на весь последующий день.

– Что вы мне рекомендуете, Морель?

– Я присоединяюсь к мнению профессора Вебера, который рекомендовал вам еще более беречь себя и по возможности не нервничать.

– Я вас понял, – сняв ватку с локтевого сустава, фюрер небрежно выбросил ее в урну. – Что вы мне предлагаете? Взять альпийские палки и пойти прогуляться в горы?

– Мой фюрер, я только призываю вас поберечь себя по возможности.

– Ладно, ступайте, – отмахнулся Гитлер. – Мне еще нужно поработать.

Доктор Морель собрал медицинские приборы, аккуратно уложил их в саквояж и неслышно вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Адольф Гитлер любил завтракать в одиночестве – самое подходящее время, чтобы собраться с мыслями и подготовиться к предстоящему дню. Кроме обычных двух совещаний у него были запланированы еще три персональные встречи, одна из которых – с генерал-фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном, командующим группой армий «Юг», назначенным на эту должность неделю назад. За прошедшее время он успел познакомиться с делами армии, составить свое мнение, которое следовало выслушать. Генерал-фельдмаршал не из тех людей, что способны вести праздные разговоры. Он до корней волос был солдатом.

Потомственный военный, Эрих фон Манштейн родился в семье Фрица Эриха фон Левински, отпрыска прусского офицера. Возможно, он так и остался бы Эрихом Левински, если бы не договор двух родных сестер фон Шперлинг, бывших замужем за фон Левински и фон Манштейном. Средняя сестра, будучи беременной, обещала отдать бездетной младшей сестре на воспитание своего десятого ребенка, и, когда она разродилась мальчиком, ее муж, генерал Левински, верный офицерскому слову, отправил своему свояку генералу фон Манштейну срочную депешу: «У вас мальчик. Мать и ребенок чувствуют себя хорошо. Поздравляю!» Радости бездетной пары не было предела.

Эрих был усыновлен генералом фон Манштейном, чьи предки до шестнадцатого колена по прямой линии были генералами и служили как прусскому королю, так и русским императорам.

В судьбе Манштейна все было необычно, от усыновления до получения чина генерал-фельдмаршала. Первую мировую войну фон Манштейн начинал в Польше, где был тяжело ранен, но прошел ее до самого конца, получив два Железных креста и прусский Рыцарский крест с мечами.

Несговорчивый, дерзкий, самолюбивый, он нередко перечил Гитлеру, не опасаясь навлечь на свою голову неприятности. Но фюрер, имея терпение, всякий раз прощал фон Манштейну прусскую спесь потомственного барона, прекрасно понимая, что без такого стратега, каковым являлся Эрих фон Манштейн, не было бы столь блестящих побед ни в Польше, ни во Франции. В России его тоже ожидал успех: в немалой степени благодаря таланту фон Манштейна был разбит Крымский фронт русских и взят Севастополь, за что стратег получил чин генерал-фельдмаршала.

Эрих фон Манштейн был признанным лидером немецкого генералитета: он обладал даром предугадывать действия противника, к его словам следовало прислушиваться.

Поначалу рейхсканцлер хотел назначить Манштейну аудиенцию в перерыве между двумя совещаниями, но потом подумал, что такое решение будет неразумным. Первое совещание посвящено последствиям Сталинградского сражения и определению направления дальнейшего главного удара. Но для начала следовало удержать Харьков, имеющий важное стратегическое значение. Для русских этот город был не менее важен: он давал ключ к освобождению всей Украины.

А еще весьма скверно складывались дела в Африке. Корпус Роммеля под натиском превосходящих сил американцев вынужден отступить из-за отсутствия резервов, которые срочным порядком должны были быть переброшены на Восточный фронт. Миссия героя славных боевых побед во Французской кампании была завершена. В руках немцев оставался лишь

небольшой, но хорошо укрепленный район в Тунисе, который стойко оборонял генерал-полковник Маккензен.

Гитлер пригласил Эрвина Роммеля в Ставку «Оберзальцберг» и увидел, что тот пребывает в крайне мрачном состоянии. Генерал-фельдмаршала следовало убедить, что он по-прежнему нужен Великой Германии и фюреру; дать ему возможность вновь проявить себя с самой лучшей стороны; поручить возглавить подготовку к обороне во Франции на случай высадки на побережье англо-американский войск. А еще необходимо подбодрить его. Рейхсканцлер отдал приказ подготовить документы о награждении генерал-фельдмаршала Роммеля высшей наградой Третьего рейха – Дубовыми листьями с мечами и бриллиантами к Рыцарскому кресту.

На предстоящие разговоры потребуется немало физических и душевных сил. Аудиенция с неуступчивым Манштейном будет весьма нехотана. А если учитывать, что практически после нее начнется следующее совещание, где главным выступающим будет начальник штаба Сухопутных войск генерал-полковник Цейтлер Курт с докладом о положении войск на юге России, то следовало и вовсе поберечь силы.

Предстоит очередное сражение с собственным генералитетом. Гитлер уже познакомился с его обширной запиской, из которой следует, что положение у Нижнего Дона еще более обострилось. А города Курск, Харьков и Ростов буквально на грани захвата русскими. Особо указывалось на положение немецких войск на Кавказе, которые находятся под угрозой быть отрезанными. Следовало принимать серьезное решение. Генерал-полковник Цейтлер пообещал принести на совещание доработанную карту, с учетом последних данных, с участками, которые более всего подверглись нападению русских.

Поэтому лучше всего встретиться с генерал-фельдмаршалом Манштейном сразу после завтрака, когда у фюрера будет достаточно сил для предстоящего спора.

Гитлер уже допивал вторую чашку кофе, когда в кабинет, негромко постучавшись, вошел адъютант по вопросам Военно-морского флота контр-адмирал Путкаммер. Фюрер невольно поморщился: как он мог позабыть, ведь именно сегодня Путкаммер должен докладывать о приговорах военных судов, это было одной из обязанностей адъютанта.

Сразу после отступления на Восточном фронте Адольф Гитлер распорядился отдавать под суд офицеров, уличенных в пораженческих настроениях и которые вынуждены были оставить свои позиции в связи с безнадёжностью положения. А таковых в последние недели набралось немало, и контр-адмирал приносил на подпись фюреру такие приговоры практически ежедневно.

Сначала приговоры военных судов представлялись Вильгельму Кейтелю, как начальнику Верховного командования Вермахта, который, не особенно вникая в суть дела, отделялся формальным заключением и передавал их военной адъюнкту Гитлера для утверждения. Каждый из осужденных втайне надеялся на помилование, но Верховный главнокомандующий утверждал приговоры, даже не всегда пролистывая папки.

Рейхсканцлер отодвинул чашку с недопитым кофе и, глянув на стопку папок, что держал в руках контр-адмирал Путкаммер, хмуро поинтересовался:

– Сколько на этот раз?

– Двенадцать офицеров.

– Двенадцать офицеров, – мрачно повторил Гитлер. – Кто бы мог подумать еще два года назад, в сорок первом! Каждый из них рвался на фронт! Хотел покрыть себя неувядаемой славой. А теперь они боятся поражения... И от кого? От славян, которые созданы Богом для того, чтобы быть рабами! Офицеры совершенно не чувствуют своей вины?

– Трое из них бежали с поля боя, когда линию обороны прорвали русские танки. Остальные были уличены в пораженческих разговорах и открыто говорили о том, что Германии не победить русских. Но все не так просто, мой фюрер, четверо из офицеров имеют Рыцарские

кресты и не однажды проявляли мужество и храбрость в боях, показывая пример воинской доблести своим солдатам.

– Что же с ними такое произошло, если они вдруг сделались трусами? – апатично поинтересовался Гитлер.

– Все четверо утверждали, что война будет проиграна, но они до конца выполняют свой долг перед Германией и не изменяют присяге, данной фюреру и Третьему рейху.

– Кто они по званию?

– Три капитана и полковник, командир полка.

Обычно Гитлер довольствовался коротким докладом и, не заглядывая в документацию, подписывал приговоры. По его мнению, предатели не заслуживают снисхождения. Каждый из них не только предал Германию, но и отступился лично от него, от идеалов великой расы, а этого Гитлер простить не мог.

На этот раз, вопреки обыкновению, он открыл одну из папок, лежавшую сверху, и принялся аккуратно пролистывать. С фотографии на него смотрел двадцатипятилетний капитан, командир пехотной роты. На его широкой груди красовался Рыцарский крест Железного креста. Просто так его не получают, он вручается за личное мужество. Запечатленный на фотографии офицер с прямым жестким взглядом явно им обладал. Что же он должен был испытать, чтобы с некоторых пор начать думать иначе?

Рейхсканцлер открыл вторую папку. С фотографии на него глянул сухощавый полковник, командир танкового полка, с двумя Рыцарскими крестами: Рыцарский крест Железного Креста и Рыцарский крест с Дубовыми листьями. Офицер имел богатую военную биографию, прошагал от Франции до Сталинграда. До последнего дня не имел ни одного нарекания. Всегда был примером для подчиненных. Отец четырех детей: двух мальчиков и двух девочек. В деле имелись даже фотографии его большого дома в Пруссии, на фоне которого бравый полковник был запечатлен со своим счастливым семейством. Образцовая немецкая семья, каковых в Германии подавляющее большинство. Участвовал в Сталинградском сражении, был тяжело ранен. Излечился и снова был отправлен на фронт. Видно, во время Сталинградской битвы он и испытал большое потрясение, если стал сомневаться в победе. Здесь же в папке лежало прошение о помиловании.

Гитлер вдруг коснулся лежавшей на столе ручки. Контр-адмирал Путкаммер выпрямился. Никогда ранее Адольф Гитлер не пользовался своим правом помилования. Неужели в сознании рейхсканцлера произошли перемены?

Неожиданно Гитлер захлопнул дело и небрежно отбросил его в сторону.

– Меня не интересует их судьба. Они нарушили присягу. Все они солдаты и прекрасно понимают, что бывает с теми, кто не выполнил свой долг перед Родиной. Где смертные приговоры?

– Они здесь, мой фюрер, – открыв папку в кожаном черном переплете, контр-адмирал взял несколько листов и положил их перед Гитлером.

Гитлер без колебания расписался под приговорами военных судов.

– Суровое наказание, примененное к ним, должно послужить уроком для тех, кто хотя бы на секунду позабудет о своем воинском долге и присяге.

– Полностью с вами согласен, мой фюрер! – живо отозвался контр-адмирал, забирая подписанные расстрельные списки.

– И пригласите ко мне Манштейна.

– Слушаюсь, мой фюрер, – произнес Путкаммер и быстро вышел.

Через минуту в кабинет вошел генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Высокий, горбоносый, с пристально-острым взглядом и неестественно прямой спиной.

Его можно было упрекнуть в несговорчивости, в трудном характере, но чего невозможно было у него отнять, так это военного таланта, опиравшегося на опыт поколений его воинству-

ющих предков. Одарен, умен, проницателен. Один из немногих, кто был способен возражать Гитлеру. Едва ли не самые значительные победы в Европе связаны с его именем.

Выбросив вверх руку, генерал-фельдмаршал поприветствовал Верховного главнокомандующего:

– Хайль!

Гитлер хмуро глянул на вошедшего и небрежно вскинул ладонь над плечом.

– Присаживайтесь, Манштейн.

Аккуратно отодвинув стул, Манштейн сел. Гитлер задержал взгляд на его нагрудном знаке «За ранение» 3-й степени, такой же был у него самого, также полученный в окопах Первой мировой войны на Восточном фронте. История повторяется. Теперь тоже Восточный фронт.

Отпрыска прусских баронов невозможно было упрекнуть в трусости. Манштейн был одним из блестящих офицеров своего времени. Он мог спокойно переждать войну где-нибудь при Генеральном штабе, но кровь тевтонских рыцарей толкала его на передовую, там, где стоял запах жженого пороха и разложившихся трупов.

– Что у вас, Манштейн?

– Буду краток, мой фюрер. В настоящее время между войсками групп армий «Юг» и «Центр» образовался значительный разрыв. Именно это место наиболее благоприятное для наступления русских. И поэтому я бы вас просил выдвинуть в разрыв вновь сформированное соединение, которое позволило бы создать сплошную линию обороны, иначе удержать Харьков нам будет весьма сложно.

– Но ведь это соединение должно быть из чего-то создано. А у нас просто нет резервов. Какая армия, по-вашему, там должна находиться?

– Мне представляется, что новое соединение можно образовать за счет Семнадцатой армии из Крыма. Ее действия там неэффективны, а для армий «Юг» и «Центр» это будет весьма своевременно и полезно.

– Вы думаете, Семнадцатая армия для этого ведет бои на Кубани, чтобы потом передислоцироваться на Украину? В группах армий «Юг» и «Центр» вполне достаточно боевых частей, чтобы задержать наступление русских, а впоследствии развить успех.

– Мой фюрер, армии групп «Юг» и «Центр» находятся в неблагоприятной местности, они теряют свою прежнюю мобильность, им требуются дополнительные силы, чтобы противостоять натиску русских. У командующего Воронежским фронтом Голикова мощные соединения, включающие три танковые армии, в случае его наступления противостоять им будет чрезвычайно трудно.

Гитлер выдержал паузу. Было над чем поразмыслить. Манштейн терпеливо дожидался ответа, впившись взглядом в лицо фюрера: кожа на его щеках заметно одрябла, пожелтела. Гитлер вел малоподвижный образ жизни, ему бы почаще бывать на свежем воздухе.

– Какова угроза для наших армий?

– Войска русских могут охватить левое крыло армий «Юг» и продвинуться вглубь, – генерал-фельдмаршал водил рукой по карте, разложенной на столе. Гитлер внимательно наблюдал за его ладонью. – Затем они могут нанести удар по нашим тылам, что, в свою очередь, может привести к окружению наших армий.

– Вы хотите сказать, что у нас все так безнадежно и мы не сумеем остановить наступление русских? – строго спросил Гитлер.

– Я так не говорил, мой фюрер, но могут возникнуть значительные трудности.

– У нас есть генералитет, способный разрешить любые трудности. Но я хочу услышать, что вы намерены делать, как командующий группой армий «Юг»?

У генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна оставалась уверенность, что Гитлер все-таки позволит ему создать новое воинское соединение на наиболее опасном направлении,

но сейчас, переговорив с ним несколько минут, Манштейн понял, что его надежды были иллюзорны и, по мнению Гитлера, не имели под собой серьезных оснований.

Неужели рейхсканцлер не может понять, что с каждым прожитым днем ситуация будет только усугубляться. Положение немецких войск на Кубани шаткое, так или иначе оттуда придется уходить, а находящиеся там дивизии будут разгромлены. Так почему бы вновь образованной армией не залатать дыру между двумя группами?

К такому итогу разговора Эрих фон Манштейн готов не был. Стратег должен учитывать все возможные варианты. Разумеется, хотелось бы иметь подавляющее большинство над противником в живой силе и технике, чтобы маневрировать в наступательных действиях. Но в последнее время немецкое командование испытывает значительные трудности с резервами, чаще всего приходится формировать подразделения из уже потрепанных частей, нуждающихся в отдыхе. Требуется в должной мере и авиационная поддержка, и мощный бронетанковый кулак. Но всего этого нет. Танков катастрофически не хватает, на фронт идут залатанные бронемашины, не однажды побывавшие в бою.

– Я очень надеюсь, что мне будет придано хоть какое-то соединение, способное улучшить положение на фронте, – нашелся что ответить фюреру генерал-фельдмаршал. – А пока у нас нет сплошной линии обороны, я предлагаю создать опорные пункты на основных дорогах, по которым могут прорваться русские танки. Не думаю, что их бронетехника станет продвигаться по болотистой и лесистой местности.

– А если они все-таки рискнут? – неожиданно спросил Гитлер.

– В таком случае это задержит их продвижение, а мы сумеем подтянуть к опасному району свои подразделения. Но русские всегда торопятся, они пойдут таким образом, чтобы в кратчайшие сроки углубиться на нашу территорию как можно дальше. Поэтому мы прекрасно представляем направление их основного удара. Это будут Курск, Белгород и Харьков. То же самое подтверждают и данные нашей разведки. У нас останется достаточно времени, чтобы в случае необходимости перебросить боевые части в район наступления русских и остановить их.

– Какие наиболее слабые места в вашей обороне?

Секундная пауза, после которой генерал-фельдмаршал уверенно ответил:

– У группы армий «Юг» практически не защищен северный фланг. Мы выдвинем туда усиленные подразделения. Снег в этом районе глубокий, пехота в нем увязнет, танки тоже там будут бесполезными.

– А если они задействуют кавалерийские части? – спросил Гитлер.

– Возникнет угроза расчленив армии группы «Юг» на две части... О том же нам сообщает и наш агент, внедренный в штаб Тринадцатой армии русских. Но у нас есть еще время, чтобы поставить на возможных путях их продвижения противотанковые и противопехотные мины.

– Тогда не тяните и установите мины незамедлительно! – Выдержав паузу, Гитлер продолжил: – Я сообщу ваше мнение генералитету. Мы обсудим сегодня на совещании ваше предложение по поводу Семнадцатой армии. Если Ставка сочтет его разумным, вы получите Семнадцатую армию. Кстати, а с самим Руоффом вы разговаривали?

– Разговаривал, – негромко отозвался Манштейн.

– И что же он вам ответил? – с нескрываемым любопытством спросил фюрер.

– Генерал-полковник Руофф сказал, что готов служить там, где это сочтет нужным Верховный главнокомандующий.

– Я понял вашу позицию. О нашем решении в ближайшее время вам сообщит Цейтцлер. Вы свободны, Манштейн.

Генерал-фельдмаршал вскинул руку и вышел из кабинета.

Глава 2

1944 год. Февраль.

Ближняя дача Сталина

Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин сидел за покрытым зеленым сукном столом, за которым обычно проходят заседания, и внимательно перечитывал сводки Совинформбюро. Его собственный небольшой стол, стоявший у самой стены, был заставлен папками, уведомлениями, сложенными в аккуратные стопки, ожидавшими своей очереди приказами. Следовало разобраться со всеми этими бумагами, но сейчас у Сталина на это не было времени.

Обнаруженные в сводках неточности он подчеркивал синим карандашом и писал на полях большими крупными буквами: «Исправить».

Удачнее всего дела складывались на псковском направлении, где было освобождено более семидесяти населенных пунктов. Неплохо складывались дела на Ленинградском фронте, там войска с боями форсировали Нарву, прорвали сильно укрепленную оборону и продвинулись на пятнадцать километров, создав плацдарм для дальнейшего наступления длиной около сорока километров.

На Украине, во Львовской области, активно действуют партизаны: они удачно атаковали немецкий гарнизон в одном из крупных населенных пунктов. В Белоруссии успешно завершена Рогачевско-Жлобинская операция, в результате которой разбиты основные силы немецкой Девятой дивизии группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Эрнста Буша и созданы благоприятные условия для наступления на бобруйском направлении. Только за один день было уничтожено шестнадцать немецких танков и сбито девять самолетов.

Своего решающего слова еще не сказал командующий Первым Украинским фронтом генерал армии Ватутин. По данным разведки, между немецкими группами армий «Юг» и «Центр» наметилась брешь, которой он намеревался воспользоваться в предстоящем наступлении. На руку должна сыграть распутица, губительная для тяжелой немецкой техники. Для окончательного определения времени наступления командующий фронтом решил объехать позиции Тринадцатой и Шестидесятой армий. В этот раз ему придется сражаться со своим давним противником генерал-фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном.

Первое их противостояние состоялось еще в июне сорок первого года в Прибалтике, на подступах к Ленинграду. В то время Манштейн в звании генерала пехоты командовал Пятдесят шестым моторизованным корпусом Четвертой танковой группы и сумел добиться немалых успехов, пока на его пути не встал начальник штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Николай Ватутин, отправленный Ставкой для управления войсками, нарушенного в первые дни войны. Ему удалось нейтрализовать действия Манштейна и сорвать дальнейшее наступление немецких войск. Так что первый раунд их встречи генерал-лейтенант Ватутин оставил за собой.

Следующая их заочная встреча случилась в марте сорок третьего в битве за Харьков. В Харьковской наступательной операции генерал армии Николай Ватутин вступил в командование войсками Воронежского фронта, а генерал-фельдмаршал Манштейн стоял во главе группы армий «Юг». Поначалу удача сопутствовала Ватутину. Наши войска более чем на сто километров оттеснили немецкие армии. Немцы оставили Ростов и Новочеркасск. А потом неожиданно Манштейн отдал приказ своей танковой армии перейти в наступление. В результате

этого стремительного броска механизированные советские корпуса были окружены, и немцы вновь овладели Харьковом. Этот нелегкий раунд остался за генерал-фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном.

Следующая их встреча произошла летом сорок третьего. На этот раз командующему Воронежским фронтом генералу армии Ватутину удалось сорвать замысел Манштейна прорваться к Курску с юга. Однако генерал-фельдмаршал не остался в долгу и организовал два сильных контрудара под Ахтыркой и Богодуховым. Так что лупили полководцы друг друга крепко. В последующем наступлении Ватутин вынудил немцев отойти за Днепр, а самого Манштейна, несмотря на все его усилия, заставил оставить Киев.

Правда, и здесь не обошлось без трудностей. Ватутин, со свойственной ему горячностью, вновь увлекся наступлением, полагая, что уж теперь-то немец будет бежать до самого Берлина. И вновь Манштейн устроил ему ловушку, в результате чего войска Первого Украинского фронта отступили на несколько десятков километров, отдав при этом освобожденный ранее Житомир.

Рассерженный Сталин даже хотел отстранить Николая Ватутина от командования фронтом, отправив Рокоссовскому срочную телеграмму, чтобы тот готовился принимать у Ватутина фронт. Но последующие операции – Житомирско-Бердичевская, Ровно-Луцкая и Корсунь-Шевченковская – доказали, что из Николая Ватутина уже вырос блестящий стратег. В результате крупномасштабных сражений были возвращены утраченные территории и освобождены новые, что всецело вернуло к командующему доверие Верховного.

Именно после Киевской операции в Ставке Гитлера генерала армии Ватутина стали уважительно именовать «Гроссмейстер».

В этот раз старым противникам предстояло сразиться вновь. Каждый из них к предстоящей битве готовился очень тщательно.

На столе у Сталина лежали карты, которые всегда требовались ему для работы. Немного в стороне стояла початая бутылка «Боржоми» и граненый стакан. Открыв бутылку, Сталин налил себе минеральной воды и выпил ее маленькими глотками. В последнее время его одолевала сухость во рту, а газированная вода бодрила.

Иосиф Виссарионович глянул на часы – половина третьего ночи. Через полчаса должны подойти нарком внутренних дел Лаврентий Берия и начальник Главного управления контрразведки Смерш Виктор Абакумов. От начальников военной контрразведки Первого и Второго Украинских фронтов он уже получил подробные записки, в которых они, ссылаясь на данные зафронтной разведки, утверждали, что немцы намереваются создать в тылу Красной Армии мощное формирование украинских националистов, для чего забрасывают в наш тыл инструкторов из числа сотрудников Абвера и Имперской службы безопасности. Украинские националисты, прошедшие обучение в школах Абвера, активно и повсеместно создавали боевые подразделения, а с помощью специалистов из технического отдела Абвера, занимающихся военным строительством, возводили в лесах бункера и в короткий срок рассчитывали покрыть ими всю Украину, чтобы таким образом замаскировать Украинскую повстанческую армию.

Сталин оценил угрозу – с такой невидимой армией воевать будет крайне сложно. Это не открытый враг, которого можно одолеть на поле боя, это местная армия, пользующаяся поддержкой местного населения.

Перед наркомом внутренних дел и начальником Главного управления контрразведки Смерш следовало поставить задачу: воспрепятствовать созданию украинско-фашистской армии и в кратчайшие сроки уничтожить бандеровское подполье.

Составленные сводки Сталину понравились. Их значительно оживлял небольшой рассказ пленного немца о том, что в немецких тылах в настоящее время царит полная неразбериха. Эшелоны, идущие на Запад, переполнены ранеными, а в боевых частях царит повальное уныние. В Гитлера и победу Германии уже никто не верит.

Продолжая вчитываться в текст, Иосиф Виссарионович достал из распечатанной пачки «Герцеговина Флор» две папиросы и, разорвав тонкую бумагу, высыпал табак в трубку. Затем сунул ее в уголок рта и на ощупь, не отрываясь от текста, отыскал пальцами спички. Спичечный коробок всегда находился под рукой, лежал с правой стороны на одном и том же месте, и Сталин мог отыскать его даже с закрытыми глазами.

Иосифу Виссарионовичу неоднократно дарили зажигалки: командующие фронтами и армиями – часто простые, сделанные рядовыми бойцами из металла сбитых немецких самолетов, иной раз весьма тонкой работы; дипломаты союзных стран – украшенные драгоценными камнями, они порой представляли собой настоящее произведение искусства. Вот только ни одна из зажигалок у Верховного не задержалась, всегда находился повод, чтобы отдать ее тому, кто нуждался в ней больше. Со спичками было как-то привычнее. А потом, куда приятнее вдыхать смоль горящего дерева, чем запах бензина.

У товарища Сталина была еще одна укоренившаяся привычка, которой он неизменно следовал: трубку курил исключительно среди своих – во время совещаний или при работе, требующей значительного напряжения. Во всех остальных случаях, включая международные совещания, вождь курил папиросы.

Трубка помогала ему выдерживать нужную паузу, не позволяла принимать скоропалительные решения. Любое высказывание при этом всегда получалось более емким и аргументированным.

В кабинет вошел его личный помощник Александр Поскребышев:

– Товарищ Сталин, с Первого Украинского фронта звонит член Военного совета Крайнюков.

Линия бровей Сталина была слегка приподнята вверх от природы. Но сейчас она выглядела несколько выше обычного, что означало крайнюю степень изумления. Членом Военного совета фронта Константин Крайнюков был назначен в октябре прошлого года, ему предоставлялась возможность напрямую связываться с Верховным главнокомандующим. Вот только своим преимуществом он не воспользовался ни разу. Что же такое могло произойти, что заставило его позвонить Верховному главнокомандующему?

– Он не сказал, в чем дело? – спросил Сталин.

– Мне показалось, что голос у него был обеспокоенным. Сказал, что дело очень срочное и ему непременно нужно переговорить с товарищем Сталиным.

– Хорошо. Я с ним поговорю. – Иосиф Виссарионович подошел к своему столу и поднял трубку высокочастотной связи: – Слушаю вас, товарищ Крайнюков.

– Здравия желаю, товарищ Сталин! – послышался взволнованный голос генерал-лейтенанта Крайнюкова. – У нас ранен командующий фронтом Николай Федорович Ватутин.

– Как ранен? Давно? – резче, чем следовало бы, спросил Иосиф Виссарионович, изумленный неожиданной новостью.

– Несколько часов назад. Сейчас он находится в госпитале, в Ровно.

Сталин невольно покачал головой: надо же такому произойти, и это перед самым наступлением!

– Насколько серьезно?

– Ранение в бедро, но похоже, что кость перебита. Николай Федорович испытывает сильнейшую боль, но состояние у него стабильное. Врачи делают все возможное. Но мы все-таки думаем перевезти его в Киев.

– Как это произошло?

– Мы выдвинулись колонной автомашин из Ровно, из штаба Тринадцатой армии в штаб Шестидесятой армии, в Славут. Близ села Милятино нас обстреляла группа бандеровцев... Мы стали отстреливаться, командующий был ранен в бедро.

– У вас что, не было охраны?

– Охрана была... Грузовик с автоматчиками. Но все произошло так стремительно, что никто толком даже не сумел сориентироваться.

– Что вы думаете по этому поводу? Это не было случайностью?

– У меня сложилось впечатление, что бандиты поджидали нашу колонну. Огонь открыли внезапно, действовали слаженно и очень напористо. Таких совпадений не бывает.

– Ну как же вы так! – в сердцах воскликнул Верховный главнокомандующий. – У вас самый многочисленный и самый сильный фронт, и командующий у вас один на всех, а вы не смогли его уберечь.

Сталин был взволнован. В такие минуты его акцент проявлялся сильнее обычного.

– Мы сделали все, что могли, товарищ Сталин. Была охрана, десять автоматчиков, выдвинулись, когда еще было не так поздно, – принялся оправдываться Крайнюков. – Даже не знаем, как так получилось... И сам командующий вел себя очень мужественно, стал отстреливаться вместе со всеми...

– Неужели вам не известно, что в тылу Первого Украинского фронта активно действуют бандеровцы! Прежде чем отпускать туда командующего фронтом, следовало сначала прочесать весь район.

– Нас заверили, что дорога будет безопасной.

– У вас три танковые армии, – продолжал возмущаться Иосиф Виссарионович. – Неужели нельзя было придать вашей колонне хотя бы один танк! Разберитесь со всем этим делом! – строго приказал Сталин. – Выявить всех виновных и, невзирая на звания и должности, предать суду! Район следует зачистить от бандеровцев в ближайшие же часы. Всех, кто участвовал в нападении на командующего, наказать самым строгим образом! Мы не можем допустить, чтобы в нашем тылу бесчинствовали бандиты и убивали наших командиров. Сегодня же я отдам распоряжение созвать комиссию, пусть как следует разберутся в обстоятельствах произошедшего.

Не прощаясь, Сталин положил трубку. Некоторое время он взволнованно ходил по комнате – трагедия, случившаяся с Ватутиным, переживалась как личное горе. Это надо же! Канун наступления, и вдруг такое! Где еще взять такого «Гроссмейстера»? Не сыщешь!

Через несколько долгих минут он поднял телефонную трубку и спросил у Поскребышева:

– Берия с Абакумовым в приемной?

– Да, товарищ Сталин.

– Зови их... Постой... Лучше сначала соедини меня с Жуковым.

– Слушаюсь, – отвечал Поскребышев.

Еще через минуту Сталин поднял трубку:

– Товарищ Жуков?

– Да, товарищ Сталин.

– Мне только что сообщили, что на автоколонну товарища Ватутина совершенно нападение. Командующий фронтом серьезно ранен. Выезжайте немедленно на место и принимайте командование Первым Украинским фронтом, пока Ватутин не поправится. Район вы знаете, в Корсунь-Шевченковской операции вы неплохо потрудились вместе с Ватутиным, не думаю, что для вас это будет сложно.

– Выезжаю немедленно, товарищ Сталин.

– Разберитесь там в тылах как следует... Мы не можем оставить наши тылы незащищенными.

– Есть разобраться, товарищ Сталин!

Глава 3

Предательство или роковая случайность?

Утром следующего дня начальнику Управления военной контрразведки Смерш Первого Украинского фронта генерал-майору Осетрову позвонил комиссар государственной безопасности 2-го ранга Виктор Абакумов.

– Как же это произошло, Николай Алексеевич, как же вы не сумели уберечь командующего? Одной из главных задач военной контрразведки Смерш является контрразведывательное обеспечение Красной Армии, выявление вражеских агентов, диверсантов и разного рода предателей, а также охрана высших должностных лиц. Вы со своей задачей не справились!

Услышав рассерженный голос Виктора Семеновича, генерал-майор Осетров невольно поднялся из-за стола.

Как и большинство его ровесников, Николай Алексеевич Осетров вышел из рабочей среды и прошел едва ли не все ступени карьерной лестницы, прежде чем получил генеральское звание. Поначалу окончил два класса ремесленно-воспитательного училища в Иркутске. Работал жестянщиком в депо, молотобойцем на угольном комбинате, кровельщиком строительной конторы, был даже помощником шофера в Иркутском губвоенкомате. Но после призыва в армию жизнь его круто изменилась. Сначала он окончил Томскую артиллерийскую школу. Длительное время был на командных должностях, а потом был направлен слушателем Артиллерийской академии в Ленинград. Далее было назначение в Москву, а еще через год Осетров был направлен на работу в НКВД.

Выслушав Абакумова, начальник Управления военной контрразведки оправдываться не стал, сообщил то, что ему доложили участники событий:

– Виктор Семенович, я не снимаю с себя ответственности. В этой трагедии есть и моя вина. Но командующий поехал туда не один, а в составе колонны. Мы рекомендовали командующему...

– Мне нужно знать подробно, что там произошло, – прервал его Абакумов.

– Разведка докладывала, что техника у немцев завязла на дорогах в установившуюся распутицу и наступил самый подходящий момент, чтобы нанести рассекающий удар по Манштейну. Командующий с разрешения Ставки начал проводить перегруппировку, чтобы ударить бронированным кулаком прямо по скоплению немцев. Поэтому он решил в скором порядке объехать всех командующих армиями и соединениями, чтобы разъяснить боевую задачу, а также проверить общий уровень боеспособности войск перед предстоящим наступлением. Мы советовали ехать ему автострадой, через контрольно-пропускные пункты. Там безопасно: то и дело следуют наши войсковые колонны. Но командующий решил пренебречь нашими советами и поехал грунтовой дорогой через лес. Мы предупреждали его, что в этом районе недавно слышали перестрелку...

– Ваши действия, когда вы узнали о перестрелке? – вскипел Абакумов.

– Виктор Семенович, как только мы узнали о перестрелке, тотчас выдвинули в опасный район оперативные группы для выяснения обстановки и роту автоматчиков. Об опасности на маршруте мы доложили коменданту колонны, тот, в свою очередь, передал наши опасения командующему. Но Николай Федорович ответил, что у него другие данные, что группу бандитов уже блокировали и дорога расчищена.

– Уверен, что без предательства здесь не обошлось... Со стороны Главного управления уже создана комиссия, скоро прибудет к вам. Оказать ей максимальную помощь. Разобраться

с этим делом самым тщательным образом! – кричал в трубку Абакумов. – Мерзавцев найти и уничтожить! Всех до единого. А лучше отловить! Будем судить, а потом повесим на площади.

– Будем исполнено, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга! – громко откликнулся генерал-майор Осетров.

По завершении разговора Осетров устало опустил на место. Расстегнул ворот гимнастерки, показавшийся ему в эту минуту особенно тугим, и набрал номер начальника отдела контрразведки Тринадцатой армии полковника Макария Александрова.

– Полковник Александров!

– Макарий Павлович, только что мне звонил Абакумов, был очень неприятный разговор. Приедет комиссия, будет тщательно разбираться по покушению на командующего... За свое место я не держусь, но и сдаваться тоже не собираюсь. Ты уверен, что мы сделали все, чтобы уберечь генерала? Как так получилось, что ты был не рядом с Ватутиным?

– Николай Алексеевич, в день приезда Ватутина командарм Пухов неожиданно отправил меня в соседней район, где, по данным агентуры, активизировались оуновцы, собиравшиеся напасть на расквартированную в селе воинскую часть. Я должен был проверить, насколько серьезны эти сигналы. На дорогах установили дополнительные КПП, надо было посмотреть, как продвигается работа. На полпути мы остановились, чтобы совершить дозаправку, в это время нас догнал связной из штаба и сообщил, что выезд к КПП откладывается и нужно следовать в расположение штаба Тринадцатой армии. От него я узнал, что Ватутин уже направился в Шестидесятую армию Черняховского... – Выждав паузу, полковник Александров продолжил: – Я вам уже докладывал о сложной обстановке в тылу Тринадцатой армии. Мною была сформирована специальная оперативная группа по наблюдению за обстановкой. Были определены наиболее опасные районы, где была отмечена активная деятельность оуновцев. Этой же группой были выбраны наиболее безопасные маршруты движения, все они проходят вблизи расположения наших частей... Командующий фронтом почему-то выбрал самый опасный маршрут. На всех скоростях мы выехали в штаб, но, к сожалению, не успели. Ватутин попал в засаду и был ранен.

– Работайте, полковник, – устало произнес генерал-майор Осетров и повесил трубку.

* * *

В этот же день в район Милятино – Сиянцы, где произошло нападение отряда оуновцев на автоколонну генерала армии Ватутина, выдвинулся пограничный полк, выполнявший обязанности войскового заграждения в пределах второй полосы. А ближе к вечеру для поисков бандеровцев был привлечен полк НКВД по охране тыла. В населенных пунктах усилилась агентурно-разведывательная работа по выявлению бандитов.

По всему лесному массиву во второй и третьей полосах охраны двадцатью разведывательно-поисковыми группами велась работа по обнаружению бандитских формирований. В течение суток дополнительно к имеющимся было организовано несколько десятков КПП, расстояние между которыми контролировалось патрульными группами.

Первый же день поисков дал результаты. Пограничный полк наткнулся на хорошо организованный отряд оуновцев. В результате боестолкновения было уничтожено около трех десятков националистов. Около сотни бандеровцев попытались прорваться через КПП в третью прифронтовую полосу, но были встречены ожесточенным огнем. Немногие оставшиеся боевики, пытавшиеся спастись бегством, напоролись на засаду разведывательно-поисковой группы, где и были уничтожены.

Следующий этап по поимке и уничтожению бандеровцев заключался в том, чтобы произвести облавы в населенных пунктах и проверить места, где, по агентурным данным, могли скрываться бандиты.

Облавы были проведены одновременно во второй и третьей прифронтовых зонах: в местах наибольшего скопления людей, в общежитиях, на пересечениях дорог, на рынках. Всех, не имеющих документов, отправляли в фильтрационные лагеря для выяснения личности. Только в течение одного дня было выявлено около тридцати оуновцев, пятнадцать дезертиров и восемнадцать бандитов, занимавшихся открытым грабежом.

Полковник Александров вместе с военным прокурором майором Груздевым всю прошедшую неделю проводил следственные действия: они выезжали на места, допрашивали свидетелей случившегося. Понемногу картина трагедии вырисовывалась.

В этот раз под охраной отделения автоматчиков, разместившихся в грузовой машине, они выехали к селу, неподалеку от которого произошло нападение на командующего Ватутина.

«Эмку» мерно потряхивало на ухабах, но она уверенно, положившись на прочность амортизаторов, продолжала двигаться дальше.

– Вот здесь, товарищ полковник, – с заднего сиденья подал голос майор Груздев из военной прокуратуры. – Вон там село Милятино. Обстрел случился где-то около семи часов вечера.

– Останови, – приказал водителю Александров.

Выбрались из автомобиля, прямо в раскисшую грязь.

– Колонна командующего фронтом состояла из четыре автомобилей: три легковые и грузовик. Как только они проехали этот лесной массив и поравнялись с хутором, – показал он на несколько изб, находившихся в отдалении, – по машинам был открыт плотный огонь.

– Неужели они не заметили засады? – угрюмо спросил Александров, думая о своем.

– Видно, не заметили, бандеровцы прятались за домами.

– А во сколько часов это было?

– В полвосьмого вечера, – отозвался майор. – Если бы они были более внимательны, могли бы обнаружить засаду по косвенным признакам.

– Это по каким же?

Майор был въедливый и требовательный, мелочей для него не существовало. Люди другого склада ума в прокуратуре не работают.

– Видите со стороны леса темные пятна? Как раз накануне снег выпал, а потом слегка подтаял. Бандиты выходили на дорогу, посмотреть на подъезжавшую колонну, и натоптали. Конечно, товарищу Ватутину не следовало так рисковать, нужно было ехать с большим сопровождением, а впереди должна была двигаться машина разведки и в случае опасности доложить обстановку коменданту колонны. Были нарушены элементарные правила безопасности.

– Мои люди тоже пытались убедить командующего ехать другой дорогой. Еще утром на этом отрезке произошло нападение на обоз. Бандеровцам удалось захватить шесть подвод с оружием, а потом недалеко отсюда был обстрелян грузовик. Хорошо, что никого не убили, красноармейцы быстро разбежались. Мы ведь об этом доложили командующему...

– А что вы сделали, чтобы поймать напавших на обоз? – в голосе майора вдруг появилась строгость.

Полковник Александров внимательно посмотрел на военного прокурора, но тот стойко выдержал суровый взгляд майора.

– То, что и положено в этом случае... Отправили роту НКВД по охране тыла на их поиски, но, к сожалению, никого из бандитов обнаружить не удалось. Будто сквозь землю провалились! Что там дальше показывает ваше следствие?

– Когда машины поравнялись с хатами, по ним с двух сторон открыли ураганный огонь. Уничтожить хотели всех пассажиров. Причем особенно сильный огонь велся по третьей машине. Нападавшие думали, что командующий находится именно там, а он был во втором автомобиле. Третья машина повернула назад, Ватулин вместе со стрелками выскочил наружу, чтобы прикрыть их, и был ранен в бедро... Сейчас он находится в очень тяжелом состоянии. Все это, конечно, очень странно. Я не могу кого-либо судить, мне поручено только выяснить

обстановку, но чем больше я пытаюсь вникнуть, тем больше вопросов у меня появляется. Но я знаю совершенно точно: командующего должны были прикрыть бронетехникой и подразделением автоматчиков. Какое ваше мнение?

Полковник Александров нахмурился. Не далее как сегодня утром он разговаривал с офицером по особым поручениям комфронта полковником Семиковым, который перед приездом Ватутина направил майора Белошицкого из оперативного отдела для освещения обстановки на пути его следования, а также поручил подобрать наиболее удобные пути движения.

Дотошный, дисциплинированный, не пренебрегавший мелочами, майор Белошицкий предложил сразу три маршрута следования, отдавая предпочтение наиболее безопасному: Ровно – Здолбунов – Острог – Славута. Ему же удалось выяснить, что незадолго до приезда командующего в районе, через который впоследствии отправится командующий фронтом, произошло серьезное столкновение между партизанами и бандитами. А еще, по наблюдению местных жителей, в районе курсировало значительное количество оуновцев, о чем и было доложено командарму Пухову. Однако по какой-то необъяснимой причине тот пренебрег рекомендацией майора Белошицкого и не выделил в сопровождение командующего фронтом даже плохонькой самоходки.

– Сейчас пока преждевременно делать какие-то выводы, следует разобраться самым тщательным образом, а виновных примерно наказать, невзирая на должности. – Немного подумав, полковник продолжил: – Знаю одно, командующий не должен был отдавать приказ остановить колонну... Вместо того чтобы быстрее выехать с линии огня, о чем знает любой военный водитель, он отдает приказ своему адъютанту, чтобы тот выяснил, в чем там дело и что за стрельба. Парня убивают первым же выстрелом, колонну берут в клещи и расстреливают сразу с двух сторон.

– Возможно, он подумал, что это по ошибке стреляют свои.

– Думать здесь не приходится, нужно работать на инстинктах.

– Одна машина уехала совсем, ее водитель предан трибуналу. Не случись этого, командующего доставили бы в госпиталь быстрее.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться? – к Александрову подскочил молоденький вестовой с медалью «За боевые заслуги» на выцветшей гимнастерке.

– Что у тебя? – невесело отозвался полковник.

– Вам пакет из отдела контрразведки Сто сорок третьей дивизии.

– Давай сюда.

Красноармеец проворно протянул послание. Оторвав пакет, Александров вытащил письмо и быстро прочитал. После чего посмотрел на майора, стоявшего в ожидании, и произнес:

– Что ж, нужно ехать, дела! Поймали тут одного бандита!

Вскинув ладонь к виску, он попрощался и заторопился к стоявшей на обочине машине.

Глава 4

Разговор не закончен

Отдел военной контрразведки Смерш Сто сорок третьей дивизии располагался в деревне Хмуровищи, насчитывающей около трехсот дворов, в просторном каменном доме с высоким порогом из толстых досок. Крыша старая, но крепкая, покрытая почерневшей от времени и сырости широкой осиновой дранкой. На небольших окнах висели пестрые занавески из синей ткани.

У входа в отдел, как полагается, стоял автоматчик и хмуро поглядывал по сторонам. Возле низкого посеребренного заборчика притулился штабной «Виллис».

Едва кивнув вытянувшемуся автоматчику, полковник Александров прошел по длинным скрипучим половицам в полутемные сени: с правой стороны посередине стены – крошечное окошко; с левой – коротенькая лавка; в самый угол прислонены зимние сани, здесь же – небольшой бочонок с крышкой и две деревянные лопаты для уборки снега. В избу вела одностворчатая низкая дубовая дверь, сделанная из двух досок, скрепленных между собой металлическими скобами.

Потянув на себя обшарпанную деревянную ручку, полковник Александров перешагнул высокий порожек и вошел в хату с хорошо тесанными полами и печью по левую сторону. В красном углу висела божница с иконкой и потухшей лампадкой. Ближе к окну возвышался небольшой квадратный стол, из-за которого, увидев вошедшего, поднялся командир роты разведки капитан Сухарев.

Немного в стороне стояли два автоматчика, между которыми, понуро рассматривая щербину на полу, стоял арестованный.

– Значит, это и есть тот самый бандеровец? – обрадованно произнес Александров. Сняв с головы фуражку, он повесил ее на металлический крюк, торчавший с правой стороны от двери. По-хозяйски прошел в горницу и грузно опустился на лавку под иконами.

– Он самый, товарищ полковник.

– Значит, ты его поймал?

– Мои разведчики. Старшина Щербак со своими людьми.

– Что стоим? Пусть садится и рассказывает, что знает, – распорядился полковник. И, поймав испуганный взгляд арестованного, добавил: – Если жить хочет.

Напротив Александрова расположился капитан Сухарев, спиной к двери боязливо присел арестованный.

– Давай начнем самого начала. Кто ты такой, когда родился, где проживаешь? – Александров всем своим видом демонстрировал серьезность предстоящего разговора.

– Меня кличут Василь Чубарь. Двадцать один исполнилось. На хуторе я живу, близ Сиянцы.

– Хочешь до двадцати двух дожить? – неожиданно спросил полковник.

– А як же, хочу.

– Тогда рассказывай, кто у вас командир, сколько человек в вашей банде, кто надоумил вас напасть на колонну командующего фронтом.

– Тильки мы не бандыты, а паустанцы.

– Повстанцы, значит, – хмуро повторил Александров, едва сдерживаясь. – Вы не с нами воюете, а с такими же украинцами, как вы сами. Три дня назад семью красного командира сожгли в село Митцево. Погибшие женщины и малолетние дети тоже были повстанцами? – устало спросил полковник. – Как давно ты в банде?

- Призвали мяне у прошлом годе.
- И куда же тебя призвали?
- В украинскую паустанцкую армию.
- И за что же вы воюете?
- За свободную Украину.

Перед ним сидел молодой человек, худенький, не успевший вдоволь поесть хлеба, еще не налюбившийся, но с крепким стержнем.

- Вы с нами воюете, а немцам служите.
- Мы з любой властью воюем, акромья украинской.
- Видно, ты не все понимаешь, парень. Все ваши командиры Абвером завербованы. Они еще до войны служили немцам преданнее любого пса! Сейчас таких оболваненных, как ты, толпы по лесам скитаются... Где вы оружие берете?
- В боях добываем.
- Немецкое у вас оружие! Кто ваших командиров подготовил? Опять Абвер. Ладно, у меня нет времени проводить с тобой политбеседу и агитировать за Советскую власть. А потом, это не по моему ведомству, я другими делами занимаюсь.

Полковник Александров обдумывал стратегию предстоящего допроса. В арсенале имелось немало способов, чтобы разговорить арестованного. Для одного достаточно насупленных бровей, на другого возымеет действие повышенный голос, третьего можно просто напугать, четвертого образумит удар кулака по столу. Но особо откровенными арестованные бывают, когда стоят на краю могильной ямы.

В этот раз крайностей следовало избегать. Полковник видел в крупных, слегка навывкате глазах юноши сомнение. Арестованного следовало расшевелить строгостью, попытаться вразумить, как несмышленное дитя. Должно пронять.

- Якими же?

Полковник невольно усмехнулся: в голосе задержанного, еще каких-то несколько минут назад твердо убежденном, слышался перелом.

- Очень полезными... Твое упрямство тебе может стоить дорого. У тебя совсем небольшой выбор: или ты становишься к стенке, если будешь молчать, или появится надежда на спасение, если заговоришь. Кто командир вашего подразделения?

Судорожно сглотнув, парень поднял глаза на полковника Александрова, выглядевшего равнодушным.

За войну полковник допросил не одну сотню таких вот колеблющихся. Каждый из них в итоге заговорил, это вопрос времени, а вот его как раз и недоставало. Открыв блокнот и вытащив из сумки простой карандаш, Александров принялся терпеливо ждать ответа.

- Командир нашей сотни Зеленый. Це кличка, а як звать, по правде, не ведаю. Вечором вин сказав, що буде работа. Пойде колонна машин, и мы должны його вбити.

- Он рассказал, кто будет ехать в этих машинах?
- Сказав... Що буде великий войсковий чин. Вот только ми точно не знали, во сколько часов вони заявятся, тому поехали рано утром.
- Сколько вас было человек?
- Кто же их считал? Може, тридцать, а може, и поболее.
- Откуда вы выезжали? – хмуро спросил полковник Александров, продолжая давить арестованного взглядом.

Чего же ему не хватало, что он пошел против Советской власти? Ладно бы за гектар земли бился, а то ведь бедный как церковная мышь! Ни двора ни кола, три класса образования, и таких в рядах бандеровцев – большинство. Людей побогаче в их армии не встретишь.

- Выехали из станицы Дубенци, – вяло продолжал арестованный. – А засаду зробили меж станицами Милятино и Сиянцы. Там лесок е, в ем добре сховаться, а с дороги нас не видно.

Пидождали трохи, а потом атаман разведку вислав, щоб машины глянули. Через полчаса они повернулись и сказали, що идуть обоз з двинадцати подвод. Везуть, видать, оружие. Ну ми решили их атаковать. Когда вин поравнялся з нами, мы открыли по ним вогонь. Червонармейцам на шести пидводах удалось утечь в станицу Садки. А остальные пидводы остались. А еще часа через два грузовая машина заявила. Ну мы и його обстреляли. А вже ввечери по дорози из станицы Тессова показалося чотыре автомашины, одна грузова и три легковых.

– Отряд красноармейцев видели, после того как подводы обстреляли? – хмуро спросил Александр, понимая, что именно сейчас услышит самое важное.

– Видели, – согласился бандеровец. – В лис вони пошли, нас шукать. Тильки мы в ином месте были. В станице.

– Когда появились машины, по какой стали стрелять?

– Атаман Зелений сказал стрелять по третьей машине, там должен быть командир. Одна машина сразу поехала. З другой машины червонармиец вийшел и до нас пишов, ну ми його стріляти стали. Вин сразу назад повернув и полег. А в машины двери открылись, и з ней вискочило трое и по нам вогонь видкрили. В одного з них подранили, це старший был, по погонах було видно. Вони його подхватили и в третю машину потягли.

Слова бандеровца во многом дополнили свидетельские показания, полученные ранее. Обычно комфронта ехал в самом центре колонны, но в этот раз, как будто предчувствовал возможную трагедию, решил пересесть во вторую машину. Его даже не обстреливали, она могла вполне проехать опасный участок, но Ватутин, увидев, что член Военного совета Хрущев находится под огнем, решил вместе с двумя охранниками прикрыть его огнем из автоматов. Следует отдать должное мужеству Николая Федоровича, но на этот раз оно вышло ему боком. Для командующего фронтом такое поведение – непростительная легкомысленность. В первую очередь он должен был думать о сотнях тысяч красноармейцев, что доверили ему свои жизни, а уже потом о себе.

– Как долго продолжался бой?

– Недолго. Несколько минут, потим вони вси поехали, – уверенно ответил бандеровец.

Никто даже и подумать не мог, что такой скоротечный бой, какие даже в глубоком тылу случаются едва ли не каждый день, закончится для командующего так драматически. Охрана перетащила истекающего кровью командующего в крепкий «Додж», и тотчас уехали с места обстрела, оставив в машине командующего все, включая его планшет с секретными картами и шинель.

О том, что не взяли документы, хватились позже. Но возвращаться уже не стали, опасаясь подвергнуть командующего еще большей опасности. Старались как можно быстрее доехать до ближайшего госпиталя. Машину гнали так быстро, что внедорожник на одном из крутых поворотов перевернулся и свалился в кювет, причинив тем самым раненому еще большие страдания.

Командующего со всем бережением извлекли из салона и поместили в «Виллис», но вскоре тот тоже застрял по самое брюхо в грязи на раскисшей дроге. Вытолкать машину так и не удалось, и двое офицеров заторопились в близлежащую станицу за лошадью.

Здесь им повезло. Сани, запряженные коренастой лошадкой, на которых местный старик вез дрова, увидели еще на окраине села. Без долгих разговоров, не теряя времени, сани с лошадью реквизировали, для убедительности помахав перед носом несговорчивого хозяина пистолетом, и помчались к застрявшей машине.

Генерал армии Николай Ватутин к тому времени значительно ослаб, из раны, наспех перевязанной, продолжала сочиться кровь. Иногда командующий впадал в беспамятство, но, терзаемый сильной болью, вновь приходил в себя. Тяжело раненного Ватутина осторожно положили на сани поверх аккуратно устланных шинелей и погнали в сторону танковой бригады, где располагался госпиталь.

Именно там по прошествии нескольких часов он получил первую медицинскую помощь. Рана была промыта, наложена марлевая повязка. Уже на следующий день генерала армии Ватутина отправили в Киев на операцию.

– В машине были карты и документы... Кто их забрал? – спросил полковник Александров.

– Их Зеленый забрав. Сказав, що передать, кому потребно.

– И кому именно?

– Не ведаю точно. Но в нашому курени немец все крутився. Хотив при нас бути. Може быть, йому и передав. А може бути, еще кому.

О пропаже секретнейших документов знал лишь ограниченный круг людей. Такое происшествие скрыли даже от самого Ватутина. Контрразведке фронта Ставкой была поставлена задача: отыскать утраченную документацию в кратчайшие сроки.

Оперативники Смерша задержали сотни подозреваемых, связанных с бандитскими формированиями; десятки домов и схронов, где могли скрываться бандеровцы, были самым тщательнейшим образом обысканы, но поиски результатов не дали. Похоже, для советского командования они пропали навсегда.

– Где этот немец может быть?

– Кто ж його знае. Сьогодні он тут, а завтра в Немечину укатит.

– Что еще было в машине?

– Шинель там була генеральська. Так иє Богун потом носив. Вуж боляче вона йому нравилась. И впору як раз припала.

– Кто этот Богун?

– Интендант нашей сотни.

– Что стало потом с командиром вашей сотни?

– З Зеленим? – переспросил Василь, уверенно подняв на полковника взгляд.

За прошедшее время бандеровец освоился и чувствовал себя увереннее. Это неплохо. Пускай расслабится, пусть думает, что гроза прошла стороной. Отрезвление будет у самой виселицы, к которой его подведут с завязанными руками.

– Да, с ним, – ровным голосом ответил полковник.

– Так убили ж його. Перестрелка у лесу була з червоноармійцями. Тогда богато наших загинуло.

Сказанное очень походило на правду. После ранения командующего фронтом оперативники практически сразу принялись за поимку и ликвидацию бандитов. В тылах Тринадцатой и Шестидесятой армий были усилены охранные мероприятия. Силами НКВД были оцеплены пограничные районы Ровенской и Хмельницкой областей; прочесывались лесные массивы, в результате было выявлено немало действующих схронов бандеровцев.

В селах была организована самая тщательная проверка: подозрительные задерживались и отправлялись в фильтрационные лагеря для выяснения личностей. Часть бандитов могла затеряться среди местного населения, а потому проводился усиленный поиск в местах наибольшего скопления людей. Организовывалась самая тщательная проверка документов на дорогах, где скапливался многочисленный люд из самых разнообразных областей.

У бандеровцев была собственная тактика ведения войны. Днем он – вполне обычный украинец, настроенный по отношению к Советской власти и ее военнослужащим положительно; семейный и при хозяйстве, имеющий немалое подворье. По ночам же все эти «положительные» сбивались в банды и нападали на обозы, оставшие от частей.

Поэтому в работе органов в значительной степени использовались оперативно-агентурные данные, проверялись места возможного укрытия бандитов. Выявлялись их родственники, которым потом устраивали дознание.

Оперативно-войсковые операции были проведены на границе Ровенской и Хмельницкой областей и за их пределами. В результате боестолкновений было уничтожено более пяти тысяч бандеровцев.

Значительная часть националистов разбежалась по деревням и хуторам, прикинувшись мирными гражданами. Но сотрудники Смерша терпеливо, не пропуская ни одной хаты, обходили деревню за деревней и отыскивали причастных к нападению на командующего.

В списке, составленном по оперативным данным, значилось восемьдесят девять человек. За неделю было зачеркнуто шестьдесят семь фамилий. Требовалось провести немалую оперативную работу, чтобы выявить личности оставшихся и установить их точное местонахождение.

– Назови имена и клички людей из своей сотни, – потребовал Александров, перевернув заполненную страницу.

– Имена не знаю, только клички... Михась, Боров, Лось, Заець, – принялся перечислять Василь. – Кобура, Балакун...

Неожиданно он умолк.

– Кто еще? – грозно потребовал полковник Александров.

– Феодосий Павлюк из станицы Колесники. Еще был Глеб Маховец из станицы Дривичи... Остальных не знаю – стрелыцы из сотни Жука.

– Как зовут Жука?

– Александр Калынюк.

– Откуда он?

– Из села Михалковцы.

Аккуратно, стараясь ничего не пропустить, полковник записывал услышанное.

Василь Чубарь в этом списке значился двадцать седьмым. Его тоже можно вычеркивать, значит, еще на одну фамилию стало меньше.

Это только прямые участники нападения на колонну, кроме них, было еще столько же, прикрывавших основные силы у дороги. Их тоже следовало выявить и уничтожить.

Список боевиков полковник Александров стал составлять с первых же часов нападения бандеровцев на автоколонну командующего. Достоверно известно, что часть из них устремилась за отъезжающим обозом, прибывшим ранее, а другая засела у села Милятино. В списке отъехавших было всего семнадцать фамилий, напротив шести из них уже были поставлены жирные кресты.

Оперативная работа продолжится до тех пор, пока не будет зачеркнут последний бандит. Приказы Верховного командования не обсуждаются.

Чем глубже полковник Александров вникал в дело, тем больше у него возникало вопросов. Так в результате работы родилась версия, от которой просто бросало в дрожь: в окружении командующего фронтом Ватутина действовал влиятельный недоброжелатель. Например, его коллега...

Не секрет, что каждый из командиров весьма ревностно относился к успехам других. За столом у товарища Сталина между ними происходили самые настоящие баталии, в своих речах они нередко переходили грань дозволенного.

У такого успешного человека, как Ватутин, наверняка должны были быть завистники. Он руководил самым сильным фронтом, усиленным танковыми армиями, о его полководческом таланте ходили легенды. Используя многоходовые сложные операции, он неизменно переигрывал на поле боя самых именитых немецких фельдмаршалов, за что и получил прозвище Гроссмейстер.

– Сделаем вот что... Доставьте его в штаб армии, – указал на задержанного Александров, убирая блокнот в планшет. – Разговор с ним еще не закончен.

– Есть, товарищ полковник, – отозвался капитан Сухарев, поднимаясь вслед за Александровым.

Глава 5

Июль – август 1944 года.

Новый командующий

Группу армий «Центр» возглавил генерал-фельдмаршал Вальтер Модель, получивший среди сослуживцев прозвища «Гений обороны» и «Пожарный Гитлера».

От Моделя, как всегда, ждали чуда – остановить наступление русских. После неудачных попыток контратаковать он понял, что Белоруссию окончательно придется оставить, а вот на Висле, достигавшей в ширину двух километров, можно закрепиться и удержать наступающие русские войска.

Первый Украинский фронт могучим катком вошел на Западную Украину и силами Четвертой танковой армии захватил Львов. В это же время на станиславском направлении был освобожден Галич, а еще через три дня Первая гвардейская и Восемнадцатая армии заняли Станислав.

На некоторое время на позициях Первого Украинского фронта установилось затишье. Требовалось подождать отставшее тыловое обеспечение, части, потрепанные в боях, отправить на переформирование, закрепиться на освобожденной территории, восстановить Советскую власть и заняться поиском предателей и фашистских недобитков.

Бойцы понимали, что отдых не затянется. По правилу военной науки наступление следовало развивать, и как только подойдут свежие части и войска будут усилены бронетехникой, фронт двинется дальше на запад.

А впереди была Висла, самая протяженная и широкая река Польши. Типично равнинная, поросшая по берегам густым лесом. Форсировать ее будет непросто. Немцам удалось закрепиться на левом берегу, создать эшелонированную оборону. Следовало сначала пробиться к реке, захватить наиболее удачный плацдарм, а потом начинать переправу. Вряд ли немцы успокоятся, а потому придется вести боевые действия прямо при форсировании реки.

Месяц назад Тринадцатая армия значительно продвинулась на запад, один из корпусов занял красивое местечко Раздольне, в котором совсем недавно размещалась абверовская диверсионная разведшкола, работавшая против Западного фронта. Наступление передовых частей было столь стремительным, что немцы даже не успели эвакуировать архив, в котором хранились дела заброшенных на территорию Советского Союза агентов.

Оставленная документация была настоящим подарком для контрразведчиков. В картотеках значились шестьдесят три действующих агента, удачно перебравшихся через линию фронта, большая часть которых сумела осесть в прифронтовой зоне, а другая – обжилась в глубоком тылу.

Около тридцати человек сумели устроиться на режимных объектах: на железнодорожных вокзалах, обходчиками на путях, стрелочниками, на восстановленных электростанциях, на мостах, имеющих стратегическое значение. Еще двадцать, имея на руках справки о тяжелом ранении, трудоустроились в тылах по гражданским специальностям: работали слесарями, водопроводчиками. Остальные сумели пройти проверку и через запасные полки внедриться в части Красной Армии. От боевых подразделений им удалось уклониться: служили парикмахерами, в сапожных мастерских, несколько агентов работали в медсанчасти. Среди них был

даже начальник штаба гаубичного батальона, назначенный на должность буквально накануне разоблачения.

Всех агентов арестовали в течение трех дней. Оставалась неизвестной судьба нескольких немецких шпионов.

Полковник Макарий Александров рассчитывал, что, оказавшись на русской земле и имея при себе надежные документы, они просто растворились в массе советских людей, чтобы начать жизнь с чистого листа. Они скрывались как от Абвера, так и от военной контрразведки Смерш. Если немецкие агенты еще живы, то придется немало постараться, чтобы обнаружить их местонахождение.

Впрочем, существовал и второй вариант: они просто сгинули где-то на просторах Советского Союза, не оставив после себя никакого следа, что в военное время случается нередко.

Теперь полковник Александров понимал, что мог существовать и третий вариант: агентов готовили к глубокой конспирации. Именно поэтому в некоторых делах не обнаружилось даже их фотографий – только скупая характеристика и перечень «заслуг».

Основания думать о таком варианте у полковника Александрова появились после тяжелого ранения генерала армии Николая Ватутина. Это не просчет военной контрразведки. Командующего фронтом берегли, зная, что в прифронтовой полосе активно действуют оуновцы. Именно с целью обезопасить командующего от трагических случайностей полковник Александров и сформировал специальную группу слежения за оперативной обстановкой в тылах армии, обозначив наиболее безопасные маршруты передвижения.

На позиции Тринадцатой армии командующий фронтом приехал по наиболее надежному направлению в сопровождении взвода автоматчиков. Дальше его дорога шла в Шестидесятую армию, к командарму Черняховскому, но неожиданно маршрут поменялся, и автоколонна направилась по наиболее рискованному маршруту, что в дальнейшем и привело к трагедии.

Следствием было установлено, что перед самым отъездом генерала армии Ватутина его перехватил посыльный и передал пакет, в котором, как выяснилось позже, ему было рекомендовано изменить уже утвержденный маршрут. Так командующий фронтом направился по опасному участку, угодив в хорошо организованную засаду.

Поговорить с посыльным, передававшим письмо, не удалось, он был застрелен в затылок вечером следующего дня. Пропало также и само письмо (возможно, оно сгорело в машине командующего). Но один из сопровождающих Ватутина утверждал, что на пакете была печать штаба Тринадцатой армии. Значит, человек, передававший курьеру письмо, имел какое-то отношение к штабу армии и был допущен к его секретам. Докопаться до истины следствию так и не удалось.

Была еще пара эпизодов, указывающих на то, что в штабе армии работает искусно замаскированный абверовский агент. Так, например, не далее как две недели назад в помощь партизанам из резерва Тринадцатой армии был заброшен десант из двухсот человек. Подготовка и сама операция проходили в строжайшем секрете. Конверты с приказами передавались из рук в руки. В журнале велась соответствующая запись, где расписывались как получатель, так и курьер.

Сама операция была отработана до мелочей, летчики до последнего не знали, в каком именно квадрате произойдет высадка десанта. Казалось, неприятных сюрпризов быть не должно.

Однако на месте приземления парашютистов ждали эсэсовские подразделения. Большую часть десантников расстреляли в воздухе, а те, кому удалось приземлиться, были отловлены и расстреляны после допросов. В живых остались только два человека, сумевшие вернуться в расположение и рассказать о случившемся.

Десять дней назад на позиции Тринадцатой армии обрушился шквальный артиллерийский огонь, сорвав тщательно подготовленное наступление, что тоже никак нельзя отнести к

разряду случайностей. А неделю назад была обезврежена группа диверсантов, переброшенных через линию фронта для подрыва эшелона, груженного «БМ-13», причем о прибытии «катюш» знал очень ограниченный круг людей.

И вот теперь пришло сообщение, которое заставляло крепко призадуматься. От фронтовых разведчиков полковник Александров получил донесение о том, что немцы усиливают группировку в направлении города Сташув Свентокшинского воеводства. А по данным воздушной разведки, в обозначенном квадрате сосредоточения войск не наблюдалось. Штаб армии торопил, требовал правдивой информации; что было на самом деле, следовало выяснить в ближайшее время.

Оставалось догадываться, на каком именно этапе происходит утечка совершенно секретных сведений, если распоряжения передавались из рук в руки.

* * *

На смену маршалу Жукову, пребывавшему в должности командующего Первым Украинским фронтом с марта по май, пришел маршал Иван Степанович Конев.

Первую мировую Иван Конев закончил в звании унтер-офицера, далее, после вступления в партию большевиков, комиссарил на Дальнем Востоке и только в конце двадцатых годов проявил себя на командирских должностях.

Войну он встретил в должности командира Девятнадцатой армии, сформированной из подразделений Северо-Кавказского округа. Поначалу армия была направлена на Юго-Западный фронт, затем переброшена на Западный, в район Витебска. Не успев толком прибыть на фронт, она была окружена в результате провального Смоленского сражения и понесла чудовищные потери. Генерал-лейтенанту Коневу удалось вывести из окружения остатки армии вместе с группой управления.

В августе сорок первого Иван Конев принимал участие в Духовщинской операции, в ходе которой удалось освободить Батурино и небольшой населенный пункт Ярцево, за что ему было присвоено звание генерал-полковника, вместе с которым он получил новое назначение – командующего Западным фронтом.

Армии под его началом получили тяжелейшее поражение в Вяземской катастрофе, потеряв убитыми и ранеными сотни тысяч бойцов. Ставкой немедленно была создана комиссия во главе с Молотовым и Ворошиловым с целью разобраться в случившемся провале и показательно наказать командующего фронтом генерал-полковника Конева. Еще через несколько дней комиссией был вынесен вердикт – виновен! От скорого суда и возможного расстрела Ивана Конева спасло личное поручительство генерала армии Жукова, предложившего оставить опального генерала в должности заместителя командующего фронтом. Именно эти несколько дней стали решающими в судьбе Конева – обстановка на фронте на какое-то время стабилизировалась, и Жуков предложил поставить Конева на должность командующего Калининским фронтом.

Уже в этой должности Иван Конев проявил себя при обороне Москвы, затем удачно провел Калининскую наступательную операцию, чем заслужил одобрение Сталина. А затем удача от него отвернулась вновь: череда сомнительных, доставшихся большой кровью побед в Ржевской и Ржевско-Вяземской битвах, за которыми последовало поражение в Холм-Жирковской оборонительной операции.

В июле сорок третьего войска Степного фронта под командованием Конева добились успеха в Курском сражении, в августе были освобождены Белгород и Харьков, в сентябре – Полтава и Кременчуг, в конце сентября был форсирован Днепр, а Степной фронт переименован во Второй Украинский.

Сорок третий год для Конева закончился двумя удачно проведенными операциями – Пятихатской и Знаменской. Столь же удачно начался год сорок четвертый: в результате Кировоградской операции войска вышли к Южному Бугу.

Корсунь-Шевченковская наступательная операция, в результате которой были разгромлены два немецких корпуса, стала для Конева триумфальной. За умелую организацию операции и отличное руководство войсками Ивану Степановичу Коневу было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Далее, в результате Уманско-Боташанской операции его войска продвинулись более чем на триста километров и вступили на территорию Румынии. Последующая за ней Первая Яско-Кишиневская операция не увенчалась успехом: фронт не сумел прорвать оборону немецко-румынских войск, потеряв при этом значительное количество бронетехники.

И вот теперь, после смерти генерала армии Ватутина, длительное время руководившего Первым Украинским фронтом, по приказу Ставки Верховного главнокомандующего Конев был назначен командующим Первым Украинским фронтом.

Новое назначение было далеко не случайным. Именно во время Львовско-Сандомирской стратегической операции определялась дальнейшая судьба Западной Украины и Юго-Восточной Польши. А еще маршал Конев научился противостоять генерал-фельдмаршалу Манштейну, с которым столкнулся во время Корсунь-Шевченковской операции.

В характерах и военной карьере двух командующих Первым Украинским фронтом, Ватутин и Конев, было больше сходства, чем различия. Хотя внешне выходило прямо наоборот.

Конев был широкой кости, крепким, громогласным, любил учинять разносы, был не в меру горяч. Ватутин – росточка невысокого, склонный к полноте. Иван Конев прослыл решительным командиром, а Николай Ватутин зарекомендовал себя как отличный штабист, во многом бравший на себя обязанности начальника штаба, вплоть до того, что, имея отличный почерк, лично писал приказы и редактировал распоряжения.

Каждый из них в полной мере ощутил на себе немилость Верховного: обоих Сталин отстранял от руководства войсками.

Генерал-лейтенант Конев осенью сорок первого едва не попал под суд, а в феврале сорок третьего был отстранен от командования Западным фронтом после неудачно проведенной Жиздринской операции, в результате которой немцам удалось перейти в контрнаступление, разбить Вторую танковую армию и коннострелковую группу и в довершение занять город Севск.

В сорок третьем, уже после взятия Киева, Ватутин решил продолжить наступление, полагая, что теперь немцев можно будет гнать до Берлина, но неожиданно войска группы армий «Юг» нанесли ему поражение, отобрав в течение месяца города Житомир, Брусиллов и Радомысль.

В своем письме к Ватутину Верховный главнокомандующий подверг его резкой критике, заявив, что командующий фронтом необоснованно расплыл силы и в результате предоставил противнику возможность осуществить контрнаступление с флангов, вследствие чего наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери. Уже в сердцах Сталин приписал, что в ближайшее время командующий будет смещен со своего поста. А еще через час Рокоссовскому телеграммой было отправлено распоряжение: «В случае необходимости вступить в командование Первым Украинским фронтом, не ожидая дополнительных указаний».

Однако до смещения дело не дошло – замечания Сталина генерал армии Ватутин учел и провел по всему фронту сразу три наступательные операции: Житомирско-Бердичевскую, Ровно-Луцкую и Корсунь-Шевченковскую, чем всецело вернул утраченное доверие Верховного главнокомандующего.

В кабинете командующего фронтом за большим столом, на котором были разложены оперативно-тактические карты, собрались четыре командующих: Третьей гвардейской армией – генерал-полковник Гордов; Шестидесятой армией – генерал-полковник Курочкин; Тринадцатой армией – генерал-майор Пухов; Первой танковой армией – генерал-лейтенант Катуков, а также начальник штаба генерал армии Соколовский.

Командармы внимательно всматривались в лицо маршала Конева. В твердости он мало чем отличался от Жукова – за ошибки наказывал строго, без всякого снисхождения. Но вот человечности в нем было побольше. Каждый из присутствующих мог припомнить немало примеров, когда Конев, невзирая на маршальские погоны, без боязни поймать случайную пулю, приходил в первую линию окопов, чтобы поговорить с простыми солдатами.

Бойцы осознавали, что тут не было никакого позерства, какое нередко встречается у высоких чинов, все было предельно искренне. Вышедший из простых солдат, Конев прекрасно понимал их психологию, отношение к войне, знал, чем они дышат, о чем говорят. Красноармейцы чувствовали в Коневе родственную душу и нередко делились с ним самым сокровенным.

– Засиживаться не будем, время дорого. Текущую ситуацию мы с вами уже обговаривали, поэтому повторяться не стану. Коротко и по делу... Ставкой поставлена стратегическая задача – продолжить наступление и в кратчайшие сроки выйти к Висле. – Посмотрев на командующего Первой гвардейской танковой армией Катукова, Конев продолжил: – Ваша задача, Михаил Ефимович, через четыре дня ночью на полной скорости выдвинуться к Висле. Вы должны молниеносно зайти к немцам в тыл, ввязываться в местные бои не следует, уничтожить мешающие движению цели и двигаться на полном ходу вперед. В течение одних суток нужно пробиться к реке в районе Сандомир, – командующий провел карандашом по разложенной на столе карте, – и захватить плацдарм для дальнейшего наступления. – Сделав паузу, Конев вдруг спросил: – У вас все готово для возможного форсирования реки?

– Как только дорога будет расчищена, мы сразу выдвигаем Шестой ремонтно-восстановительный батальон, Двадцатый отдельный понтонно-мостовой батальон, а также Семнадцатую моторизованную инженерную бригаду, – спокойно ответил Катуков.

– Не забывайте про связь, – строго напомнил маршал Конев. – Для полного взаимодействия с соседними подразделениями связь должна быть бесперебойной. Дополнительное оборудование получено?

– Так точно! Восемьдесят третий полк связи получил дополнительное оборудование. Оно уже испытано в боевых условиях, действует очень надежно, – заверил Катуков. – У меня вопрос, товарищ маршал: возможно ли усилить авиационную поддержку? Предстоит глубокий рейд в тыл противника.

– Я уже разговаривал с командующим Второй воздушной армией. Можно будет рассчитывать на их поддержку. У вас как, Николай Павлович? – командующий фронтом посмотрел на командира Тринадцатой армии генерал-майора Пухова.

– Будем продолжать наступление в полном взаимодействии с Первой танковой армией. В настоящее время саперные части занимаются разминированием полей для прохода войск. После усиленной артподготовки мы выступаем по всей линии соприкосновения.

– Хочу еще раз предупредить: должно быть четкое взаимодействие между соединениями. Немецкое командование на Висле создает серьезный фронт обороны. По нашим данным, именно сюда перебрасывают из других мест дополнительные резервы. Нужно выявить наиболее слабые участки фронта, чтобы через них провести наступление. А для этого должна хорошо поработать войсковая пешая разведка. Василий Данилович, – обратился маршал Конев к генералу армии Соколовскому, – у нас осталось не так много времени до наступления, разведанные мы должны получить в течение ближайших двух дней, чтобы успешно провести артпод-

готовку и развить наступление. Возьмите это на себя. Свяжитесь с разведкой, пусть отправят толковых ребят в места, требующие дополнительного уточнения. И пусть как следует проверят местность в направлении наших главных ударов.

– Они уже работают, Иван Степанович, – охотно отозвался генерал армии Соколовский. – По направлению наших главных ударов уже отправлены разведгруппы. Получены новые весьма важные данные, я сейчас наношу их на карту, – показал он на несколько значков на оперативной карте. – Намечается несколько мест, где оборона немцев не очень плотная. Особенно это касается позиций в районе деревень Варварка и Ракита. Тут у немцев явно какая-то несогласованность. Направление главного удара может быть смещено на полтора километра южнее, – провел он карандашом по карте. – Я бы хотел обратить внимание танковой армии, что, по данным нашей разведки, немцы намерены применить свои новые тяжелые танки «Королевский Тигр». Танк имеет сложную восьмидесятивосьмимиллиметровую пушку, способную пробивать все существующие танки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.